

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Ранние биографии Канта и их значение для понимания его философии

А.Н. Круглов

Российский государственный гуманитарный университет
125047, ул. Чаянова, д. 15, корп. 7, г. Москва, Россия
akrouglov@mail.ru

А.Н. Саликов

Франкфуртский университет им. Гёте
60323, пл. Норберта Вольхайма, д. 1, г. Франкфурт-на-Майне, Германия
salikov@em.uni-frankfurt.de

А.Г. Жаворонков

Франкфуртский университет им. Гёте
60323, пл. Норберта Вольхайма, д. 1, г. Франкфурт-на-Майне, Германия
zhavoronkov@em.uni-frankfurt.de

Аннотация. Споры о значимости жизнеописания философов для понимания их философских идей ведутся уже не одно столетие, в их ходе высказываются порой самые радикальные позиции: от полного отрицания необходимости принимать во внимание жизненные обстоятельства мыслителя до попыток абсолютизировать эти обстоятельства

и воспринимать философские идеи исключительно через призму жизненного пути их создателя. В настоящей статье на примере первого русскоязычного издания ранних биографий Канта (биографии Боровски, Васиански, Яхмана, Ринка и фрагмента из «Кантианы» Райке) доказывается связь между жизнью философа и его философскими взглядами, значимость биографических очерков для лучшего понимания философских идей, а также необходимость учитывать их как вспомогательный источник для формирования представлений о философской системе того или иного мыслителя.

Ключевые слова: Иммануил Кант, биографии, Боровски, Васиански, Яхман, Ринк, Райке

Поступила в редакцию: 19.06.2023

Поступила после рецензирования: 09.07.2023

Принята к публикации: 21.07.2023

Kant's Early Biographies and Their Significance or Understanding His Philosophy

Alexei N. Krouglov

Russian State University for the Humanities
125047, 15/7 Chayanova St., Moscow, Russia
akrouglov@mail.ru

Alexey N. Salikov

Goethe-Universität Frankfurt
60323, 1 Norbert-Wollheim-Platz, Frankfurt am Main, Germany
salikov@em.uni-frankfurt.de

Alexey G. Zhavoronkov

Goethe-Universität Frankfurt
60323, 1 Norbert-Wollheim-Platz, Frankfurt am Main, Germany
zhavoronkov@em.uni-frankfurt.de

Abstract. For a long time, there have been disputes about the importance of philosophers' biographies for understanding their philosophical ideas. Some scholars have defended radical positions, from a complete denial of the necessity of taking into account the life circumstances of a thinker to the attempts to absolutize these circumstances and perceive philosophical

ideas exclusively through the optics of the life path of their creator. This paper will focus on the example of the first Russian edition of Kant's early biographies (which includes biographies of Borowski, Wasianski, Jachmann, Rink and a fragment from Reike's "Kantiana"). Using this example, we will demonstrate the connection between the philosopher's life and his philosophical views, the importance of biographical essays for a better understanding of philosophical ideas, and the necessity to take them into account as an auxiliary source for our understanding of the philosophical system of a particular thinker.

Keywords: Immanuel Kant, biographies, Borowski, Wasianski, Jachmann, Rink, Reicke

Received: 19.06.2023

Revised: 09.07.2023

Accepted: 21.07.2023

Это – эпитафия, которая отменно хорошо подходит для всякого человека, какого бы сословия, возраста и пола он ни был: «Он родился, жил и умер». Каждый человек рождается, чтобы жить, и живет, чтобы умереть.

И.Е. Цоллнер¹

Введение

24 апреля 2024 г. мировая общественность отмечает 300-летний юбилей Иммануила Канта, великого философа из Кёнигсберга (ныне Калининграда), идеи которого оказали значительное влияние на развитие всей последующей философской мысли. К этому событию приурочено множество памятных мероприятий: научные конгрессы и конференции (в Бонне,

¹ Johann Evangelist Zollner, *Das katholische Christenthum in seinem Glauben, seinen Geboten und Gnadenmitteln. Oder: Katechismuspredigten über die Gesamtlehre der christkatholischen Religion nach Deharbe's Katechismus ausführlich und populär bearbeitet*, III. Jahrgang, Bd. 2 (Regensburg: Manz, 1862), 309.

Калининграде, Халле и в других городах), подготовка нового академического издания сочинений Канта в Берлинско-Бранденбургской академии наук, монографии, сборники статей и специальные выпуски журналов, музейные выставки (в немецком Люнебурге и в Калининградской области), летние школы, философские фестивали, олимпиады, открытые лекции и множество всевозможных научно-популярных мероприятий, в центре которых будет фигура Канта.

Одним из значимых событий в этом списке должен стать планируемый выход русскоязычного издания ранних биографий Канта, готовящегося при финансовой поддержке Балтийского федерального университета им. И. Канта и включающего в себя переводы биографий философа, ранее не публиковавшихся на русском языке (за исключением биографии Васиански): биографии Боровски, Васиански, Яхмана (все впервые опубликованы в 1804 г. в Кёнигсберге), биографию Ринка (1805), фрагмент из «Кантианы» Райке (1860). Уникальность этого издания заключается еще и в том, что оно сопровождается подробными комментариями, глоссарием имен, хронологической таблицей и множеством ценной информации, позволяющей русскоязычному читателю глубже проникнуть в исторический, культурный и региональный контекст окружения, в котором прошла вся жизнь Канта. Однако так ли уж важно знать обстоятельства жизни философа для понимания его идей или же биографические очерки – это в большей степени развлекательная беллетристика, смакующая пикантные подробности и бытовые мелочи из жизни великого человека? Очевидно, что последнее является неизбежной составляющей литературы подобного рода. Первое же менее очевидно и нуждается в доказательствах и примерах. В настоящей статье на примере русскоязычного издания ранних биографий Канта мы попытаемся продемонстрировать связь между жизненным путем, судьбой философа и его философскими взглядами, а тем самым и необходимость изучения жизненных обстоятельств мыслителя для лучшего понимания его идей, их генезиса и развития.

1. О значении биографий для изучения философских взглядов мыслителя

Споры о том, имеют ли жизнеописания философов какое-либо значение для понимания их собственно философских взглядов, ведутся уже не одно столетие. В их ходе возникли и радикальные подходы, периодически воспроизводящиеся как в западноевропейской, так и в российской философской традиции. Одной из наиболее эпатажных оказалась позиция М. Хайдеггера, которая обрела популярность в изложении Х. Арендт: «Сам Хайдеггер, согласно хорошо засвидетельствованному анекдоту, <...> в начале лекции об Аристотеле вместо обычного биографического введения сказал: “Аристотель родился, работал и умер”»². Правда, опубликованные конспекты хайдеггеровских лекций воспроизводят эту мысль несколько иначе: «В личности философа интерес представляет только вот что: он родился тогда-то и тогда-то, работал и умер»³. Но суть от этого не меняется. Впрочем, при пролистывании этих лекций не может не броситься в глаза, что в состав «основных понятий аристотелевской философии», обсуждавшихся на лекциях летом 1924 г. в Марбурге, не попали ни толкование Аристотелем счастья, ни формы правления в его оценке, ни его отношение к рабству, ни его восприятие положения женщин – речь все больше шла о логосе, сущности, сущем... А при том философском значении, которым Хайдеггер наделял поэзию, он мог бы найти определенную поддержку в лице Г. Бенна, заявившего относительно поэтического творчества: «Происхождение, биография – бессмыслица! Из Йютербога или Кёнигсберга происходит большинство, и в каком-нибудь Шварцвальде издавна заканчивают свои дни»⁴.

² Ханна Арендт, Мартин Хайдеггер, *Письма 1925–1975 и другие свидетельства*, пер. с нем. А.Б. Григорьева (М.: Издательство Института Гайдара, 2015), 195.

³ Martin Heidegger, «Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie», in *Gesamtausgabe*, Bd. 18 (Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2002), 5.

⁴ Gottfried Benn. «Doppelleben», in *Sämtliche Werke*, Stuttgarter Ausgabe, hg. G. Schuster, Bd. V (Stuttgart: Klett-Cotta, 2001), 169.

Декларативное обращение к одному только «мышлению» с выведением за скобки биографических подробностей творца этого «мышления» предполагает все же, что его результаты обнаруживаются в философских текстах. Как, кем, каким образом и при каких обстоятельствах они написаны – совершенно не важно. Читавший в 1924 г. курс про Аристотеля свежеепеченный профессор Хайдеггер жаловался в письме Ясперсу за несколько месяцев до этого: «<...> 90% моих сил уходит на преподавательскую деятельность – в этом семестре я читаю 1 час лекций и веду 3 семинара (6 часов), оставляю миру его книги и литературную возню и беру себе молодых людей – “беру” в оборот, крепко, – так, что они целую неделю находятся “под давлением” <...>»⁵. В этом же возрасте приват-доцент Кант, только что проигравший конкуренцию за место профессора логики и метафизики Ф.И. Буку, читал в Кёнигсберге летом 1759 г. шесть различных курсов – в неделю выходило как минимум 24 часа занятий⁶. Сколько процентов сил в соответствии с бухгалтерией Хайдеггера уходило на преподавание у Канта, посчитать сложно из-за появляющейся арифметической ошибки. Своему приятелю И.Г. Линднеру он писал в 1759 г.: «Я же, со своей стороны, ежедневно сижу за своей кафедрой как за наковальней и кую тяжелым молотом похожие друг на друга лекции в монотонном ритме»⁷. Но конспекты лекций Хайдеггера в 1924 г. и Канта в 1759 г. мы должны в соответствии с описываемым подходом рассматривать без каких бы то ни было экивоков в сторону подсчета академических часов и возраста и подготовки слушателей – по 15–16 ли им лет, или

⁵ Мартин Хайдеггер, «Письмо к К. Ясперсу от 14 июля 1923 г.», в Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс, *Переписка 1920–1963*, пер. И. Михайлова под ред. Н. Федоровой (М.: Ad marginem, 2001), 89–90.

⁶ Кант читал в этом семестре курсы по логике, метафизике, этике, различным разделам математики, физике и физической географии. См.: Emil Arnoldt, «Möglichst vollständiges Verzeichnis aller von Kant gehaltenen oder auch nur angekündigten Vorlesungen nebst darauf bezüglichen Notizen und Bemerkungen», in *Gesammelte Schriften*, hg. Otto Schöndörffer, Bd. 5 (Berlin: Cassirer, 1909), 189.

⁷ Immanuel Kant, «Brief an J.G. Lindner vom 28. Oktober 1759», in *Gesammelte Schriften*, hg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, Bd. X (Berlin: Walter de Gruyter, 1922), 18–19, Nr. 13.

же это выпускники немецких гимназий в возрасте за двадцать лет, способные читать Аристотеля на древнегреческом. Речь ведь идет только и исключительно о «мышлении», а досуг для занятий философией в основные понятия аристотелевской философии, похоже, не входит.

Сторонников этой линии можно найти и в отечественной философской мысли: «Фихте родился в 1762 г. и умер в 1814 г. Этого достаточно»⁸. Хотя и здесь, в Ленинграде 1988–1989 гг., дальше Я и не-Я речь не заходила – замкнутое торговое государство, немецкая нация, атеизм, французская революция и многое другое остаются за бортом обсуждаемого. Другие отечественные авторы разъясняют свой антибиографический подход в более агрессивной манере, низводя жаждущих соответствующих подробностей до лакейского статуса: «Мы знаем о личности Гегеля очень многое. И эти познания имеют тенденцию все более расширяться и углубляться, что служит как бы компенсацией недостаточности или даже полного отсутствия понимания. Конечно, интересно знать, что у Гегеля, помимо двух достойных сыновей, была еще и дочь, которая умерла в младенческом возрасте, и что Гегель очень любил играть в карты. Однако такие познания уж очень близки к познаниям “лакея или горничной о своем господине”. И, кроме того, мы сыты этими сведениями по горло. Возникает даже враждебное отношение к такого рода занятиям, поскольку они уводят в сторону от главного – гегелевской философии и есть выступления “не по делу”. Главное в Гегеле – это его философия»⁹. Автор «Словаря по философии Гегеля» мог бы, правда, задать вопрос: как написавший «Науку логики» и выдвинувший идею о хитрости мирового разума Гегель вообще мог играть в карты? Или же: в чем состоит сугубо философское значение раздела нравственности про брак как «правовую нравственную любовь»¹⁰

⁸ Е.С. Линьков, *Лекции разных лет*, т. 1 (СПб.: Грант-Пресс, 2012), 349.

⁹ А.Д. Власов, *Словарь по философии Гегеля (Феноменология духа)* (М.: МИФИ, 1997), 4.

¹⁰ Георг Вильгельм Фридрих Гегель, *Философия права*, пер. Б.Г. Столпнера, сверка М.И. Левиной, под ред. Д.А. Керимова, В.С. Нерсисянца (М.: Мысль, 1990), 210, § 261.

в «Философии права», т.е. в произведении автора – якобы добродорядочного прусского чиновника, с удовлетворением констатировавшего превращение философии в Пруссии в государственное занятие со стороны правительства, но, подобно автору «Словаря по философии Гегеля», позорно и стыдливо скрывающего факт наличия «помимо двух достойных сыновей» еще и «недостойного» внебрачного сына?

Противоположный полюс в этом противостоянии занимает позиция Ф. Ницше, который в «По ту сторону добра и зла» поделился следующим открытием: «Мало-помалу для меня выяснилось, чем была до сих пор всякая великая философия: как раз исповедью ее творца, чем-то вроде *mémoires*, написанных им помимо воли и незаметно для самого себя <...>»¹¹. Правда, этот тезис, конечно, не означал, что Ницше сводил существо философских взглядов к фактам биографии автора соответствующих взглядов. Но и тем, кто в той или иной степени последовательности идет этим «мемориальным» путем, приходится учитывать несколько важных обстоятельств. Во-первых, далеко не обо всех мыслителях мы располагаем внушительными биографическими сведениями, и объем этих материалов далеко не равномерен. Во-вторых, разные философы вызывают существенно разный интерес к своей жизни даже и безотносительно к тонкостям их философского творчества. А в некоторых редких случаях интерес к личности и образу жизни философа в широких кругах оказывается даже гораздо выше, чем интерес к тонкостям его философского учения. В-третьих, если мы говорим о многих мыслителях античности, то о них мы нередко знаем только в симбиозе жизнеописания и характеристики учения, и сам образ жизни при этом зачастую и оказывался самой философией. Красноречивое заглавие знаменитой работы Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» может служить здесь прекрасной иллюстрацией.

Попытка же редуцировать подлинную философию к голему «мышлению» как таковому – явление относительно новое. И такие новейшие феномены, как результаты деятельности

¹¹ Фридрих Ницше, «По ту сторону добра и зла», пер. Н.Н. Полилова, в *Полное собрание сочинений в 13 т.*, т. 5 (М.: Культурная революция, 2012), 17.

искусственного интеллекта, подошли бы сторонникам подобных редуций как нельзя лучше, снимая вообще саму биографическую проблему. Но на протяжении столетий доминирующим было иное восприятие философии и философов как некоего личностного, не совсем оторванного от практики занятия, при котором окружающих издавна волновал и весьма проблемный вопрос о соответствии образа жизни философа выдвигаемому им философскому учению. Традиционная апология несоответствия известна как минимум со времен Сенеки: «Ты живешь не так, как рассуждаешь» – скажете вы. О злопыхатели, всегда набрасывающиеся на лучших из людей! в том же обвиняли и Платона, Эпикура, Зенона, ибо все они рассуждали не о том, как живут, а о том, как им следовало бы жить. Я веду речь о добродетели, а не о себе; и если ругаю пороки, то в первую очередь мои собственные: когда смогу, я стану жить как надо»¹². Но благоразумно пропущенный Сенекой пример Сократа наглядно показывает нам, что потребность в подобной апологии испытывали все же не все философы.

Каким образом этот вопрос обстоит в отношении Иммануила Канта и его философии? Во-первых, вряд ли подлежит сомнению, что личность Канта привлекает огромный интерес даже и безотносительно деталей его философских взглядов. Число тех, кто в той или иной мере интересуется жизнью и личностью Канта, гораздо больше тех, кто готов корпеть над его философскими трактатами. По этой причине новые биографические сведения о кёнигсбергском мыслителе обладают самостоятельной ценностью и без решения сугубо философских задач. Во-вторых, многими кантовская философия воспринималась и воспринимается в неразрывном единстве с личностью ее творца. Придя в восхищение от «Критики практического разума» Канта при первом прочтении, Л.Н. Толстой тут же написал в письме: «Нет ли биографии Канта в Публ[ичной] библиотеке, попросите от меня и пришлите»¹³. Дважды десятилетиями

¹² Луций Анней Сенека, «О блаженной жизни», в *Философские трактаты*, пер., вступ. ст. и коммент. Т.Ю. Бородай (СПб.: Алетейя, 2001), 27, XVIII.1.

¹³ Л.Н. Толстой, «Письмо к П.И. Бирюкову от 11 или 12 октября 1887 г.», в *Полное собрание сочинений*, т. 64 (М.: ГИХЛ, 1953), 102.

позднее в другом письме он заметил: «Из биографий на меня всегда производила сильное впечатление не биография, а жизнь Канта»¹⁴. В вопросе соответствия собственного образа жизни своему философскому учению Кант явно оказывается ближе Сократу, нежели Сенеке или Гегелю, и это вызывает дополнительный интерес к жизни кёнигсбергского мудреца, причудливым образом объединяющего в себе величие и чудачество, глупину и анекдотичность.

Но как раз в отношении Канта уже в XIX в. сложился вздорный и нелепый миф, который восходит к сочинениям Г. Гейне: «Изложить историю жизни Иммануила Канта трудно. Ибо не было у него ни жизни, ни истории. Он жил механически-размеренной, почти абстрактной жизнью холостяка в тихой, отдаленной улочке Кёнигсберга – старинного города на северо-восточной границе Германии. <...> Какой странный контраст между внешней жизнью этого человека и его разрушительной мыслью, сокрушающей мир!»¹⁵. С тех пор это гейнеанское «ни жизни, ни истории» преследует Канта в русскоязычных публикациях. Не остался от него в стороне, как это ни парадоксально, даже автор самой популярной на русском языке биографии Канта – А.В. Гулыга, начавший ее словами: «Жизнь философа – написанные им книги, самые волнующие события в ней – мысли. У Канта нет иной биографии, кроме истории его учения. Почти весь свой век он прожил в одном городе – Кёнигсберге, он никогда не покидал пределов Восточной Пруссии»¹⁶. «Ни жизни, ни истории» включало в себя потерю мамы в тринадцатилетнем возрасте, паралич отца, разнообразную заботу о брате и сестрах, финансовую невозможность женитьбы, скитание домашним учителем в трех различных семействах, пятнадцатилетнее ожидание профессуры в должности приват-доцента без постоянного заработка в университете, Семилетнюю войну и четыре с половиной года российского подданства,

¹⁴ Л.Н. Толстой, «Письмо к Л.П. Никифорову от 17 марта 1904 г.», в *Полное собрание сочинений*, т. 75 (М.: ГИХЛ, 1956), 60.

¹⁵ Генрих Гейне, «К истории религии и философии в Германии», пер. А. Горнфельда, в *Собрание сочинений в 10 т.*, т. 6 (М.: ГИХЛ, 1958), 96–97.

¹⁶ А.В. Гулыга, *Кант* (М.: Молодая гвардия, 1977), 5.

королевский выговор за сочинения по религии, угрозу лишиться средств к существованию в семидесятилетнем возрасте, французскую революцию и наполеоновские войны... Этот список можно было бы продолжить, однако на догматических сторонников «ни жизни, ни истории» он все равно не произведет никакого впечатления.

Если же обратиться к современному кантоведению, то, разумеется, как и прежде, имеется возможность осуществлять в его рамках серьезные и основательные исследования, не обращаясь к биографическому материалу. В то же время фактом является то, что весомый пласт биографических деталей и сведений уже давно вошел в кантоведческие исследования, и полностью его игнорировать уже давно вряд ли всерьез возможно. Однако такие попытки периодически все же предпринимаются. Так, еще в 1923 г. И.А. Боричевский в своей статье «Идеалистическая легенда о Канте» с возмущением отмечал: «Целый полк ученых кантоведов занимается изданиями и переизданиями Кантова наследия; благочестивые поклонники самоотверженно роются в самом удручающем историческом хламе и даруют миру целые энциклопедии, где собраны все клочки бумаги, на которых великий гений, рядом со своими мирообъемлющими мыслями, отмечал расходы на съестные припасы, парики и лотерейные билеты <...>»¹⁷. Правда, в вопросе лотерейных билетов Боричевский, похоже, перепутал Канта с Гегелем. Разумеется, в кантоведении имеются тематические отличия: в студиях об априорном статусе основоположений из трансцендентальной аналитики «Критики чистого разума» или же о различиях первоначально-синтетического и трансцендентального единства апперцепций обходиться без обращения к биографическим данным на порядок проще, нежели в исследованиях о кантовском отношении к легитимности или нелегитимности революции либо же при истолковании религии в пределах одного только разума.

¹⁷ И.А. Боричевский, «Идеалистическая легенда о Канте», *Вестник социалистической академии* 4 (1923), 286.

2. Принципы отбора и краткая характеристика биографических источников

Первые биографические работы о Канте появились еще при жизни кёнигсбергского мыслителя. Некоторые из них были опубликованы с указанием автора, другие, напротив, появились анонимно, и об авторстве некоторых из них споры идут и по сей день. Даже если мы обоснованно исходим из того, что большинство анонимных работ было написано авторами, которые вовсе не были знакомы с Кантом лично, а оставшиеся авторы имели в лучшем случае лишь эпизодическое общение с философом, из опубликованных же под именем биографических материалов при жизни Канта никто из авторов также не мог похвастать хорошим знакомством с ним, все же некоторые из этих работ представляют научный интерес¹⁸. Но для готовящегося издания были отобраны только такие биографические материалы, которые являются свидетельствами из первых рук тех, кто в той или иной степени близости знал Канта и какой-то значимый временной период общался с ним. Справедливости ради стоит указать на то, что не все биографические подробности и детали даже со стороны этих авторов оказываются свидетельствами из первых рук – кое о чем они говорят все же со слов других, однако в каждом из представленных биографических материалов имеются уникальные личные свидетельства.

В соответствии с этим критерием круг возможных биографических материалов существенно ограничивался. Но и из оставшегося круга источников в издание попали лишь избранные. Во-первых, имелось весьма прозаическое ограничение по объему тома, которое не позволяло включить в него все очерченные источники. Во-вторых, некоторые из этих биографических материалов при несомненном регулярном общении автора с Кантом все же были опубликованы анонимно¹⁹.

¹⁸ В первую очередь это относится к анонимному двухтомному труду: *Immanuel Kants Biographie*, Bd. 1–2 (Leipzig: Weigel, 1804).

¹⁹ Главным образом речь идет о биографии: *Aeusserungen über Kant, seinen Charakter und seine Meinungen. Von einem billigen Verehrer seiner Verdienste* (Königsberg: o.V., 1804).

В-третьих, некоторые из неанонимных биографий авторов из круга Канта в содержательном плане беспомощно транслируют настолько жалкий образ больного старца, что они также были исключены из подборки²⁰. В результате в издание попали четыре биографии Канта 1804–1805 гг.: Л.Э. Боровски, Р.Б. Яхмана, Э.А.Кр. Васиански и Ф.Т. Ринка, а также рукописные биографические материалы 1804 г. – письменные анкеты коллег, друзей и знакомых Канта, составленные для написания речи памяти философа в апреле 1804 г. и впервые опубликованные в 1860 г. Р. Райке. И хотя с тех пор стали известны и некоторые новые, неизвестные ранее свидетельства о Канте – как в архивных документах, так и в эпистолярном наследии ряда современников, – львиная доля всех свидетельств о Канте, которыми мы располагаем на сегодняшний день, несмотря ни на что приходится именно на публикуемые в том же биографии и биографические материалы. Они представляют собой наиболее достоверные и близкие к Канту источники, на которые опирались все последующие жизнеописания философа. Других, более достоверных, правдивых, убедительных свидетельств о Канте на настоящий момент попросту нет.

Три первые биографии – Боровски, Яхмана и Васиански, опубликованные под одной обложкой в Кёнигсберге в 1804 г. вскоре после смерти Канта, – давно стали «каноническими». Несмотря на то, что в последнее время в кантоведении ряд важных утверждений, содержащихся в этих биографиях, ставится под сомнение, а саму публикацию этих трех биографий воспринимают даже в виде некоего «заговора»²¹, информацию о Канте, почерпнутую в этих трех биографиях, игнорировать вряд ли

²⁰ Речь идет о двух изданиях работы: Johann Gottfried Hasse, *Merkwürdige Äußerungen Kant's von einem seiner Tischgenossen* (Königsberg: Hering, 1804); Johann Gottfried Hasse, *Letzte Äußerungen Kants von einem seiner Tischgenossen*, Zweyter Abdruck (Königsberg: Nikolovius, 1804).

²¹ Такую точку зрения отстаивает автор на сегодняшний день самой авторитетной биографии Канта М. Кюн. См.: Манфред Кюн, *Кант: Биография*, пер. А. Васильевой, под науч. ред. К. Чепурина (М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020).

возможно даже в случае возникновения подобного желания. Четвертая биография – Ринка 1805 года – хотя и не попала в состав «канонических», но в силу как содержания, так и личности автора несомненно примыкает к ним. Но необходимо учитывать, что многое в этих биографиях представляет собой свидетельства не самой надежной человеческой памяти, которые не перепроверялись авторами по архивным документам. В ряде иных случаев можно предполагать и сознательно допущенные искажения и умолчания. В том числе и по этим причинам современный русский перевод всех этих биографических материалов имеет смысл только в том случае, если он будет сопровожден серьезным научным аппаратом, в котором будут скорректированы на основании имеющихся текстов, архивных документов и иных источников те утверждения, которые вряд ли соответствуют действительности. Кроме того, надо постоянно учитывать то обстоятельство, что большинство биографических материалов о Канте касаются его пожилого или даже старческого возраста, что не может не искажать общего образа философа. Но тем оказываются ценнее те немногочисленные свидетельства, которые касаются раннего периода жизни и творчества Канта.

Кантовская биография, написанная Боровски, претендовала на статус сочинения, которое «точно отредактировано и исправлено самим Кантом». И хотя набросок биографии – доклад 1792 г. о жизни Канта, задуманный Боровски для Королевского немецкого общества Кёнигсберга, – и в самом деле Кантом был прочитан и частично исправлен, биография в целом представляет собой неоднородный текст, внутри которого проверенный философом фрагмент составляет лишь некоторую часть. Боровски был воспитанником той же гимназии – пиетистского Коллегиума Фридрицианума, – что и Кант. Он присутствовал на первой лекции Канта в 1755 г. После некоторого весьма продолжительного перерыва общение Боровски с Кантом возобновилось уже в 90-е гг. XVIII в. Задумав в 1790 г. написать работу против религиозного мечтательства и экзальтации, он обратился с соответствующим вопросом к Канту, поместив затем его ответ в свое издание «Калиостро, один из самых примечательных авантюристов нашего

века»²². У генерал-суперинтенданта протестантской церкви Боровски имелись расхождения с Кантом в религиозных вопросах. По всей видимости, это сказалось и на кантовской биографии. Ряд вопросов раннего становления Канта – в частности, отношения юного философа с профессором М. Кнутценом – Боровски излагает заведомо тенденциозно. Тем не менее при всех фактических неточностях и определенной предвзятости, на которые обращено внимание читателей в комментарии, кантовская биография, написанная Боровски, по-прежнему является незаменимым первоисточником.

Иначе был знаком с Кантом Яхман – автор второй кантовской биографии. Она опирается как на личный опыт общения Яхмана с Кантом, так и на беседы в ближайшем окружении философа, куда входил и старший брат биографа, И.Б. Яхман, который не только учился у Канта, но и определенное время выполнял обязанности его секретаря. Период тесного общения Яхмана с Кантом приходится на время с 1783 по 1794 гг. По инициативе Канта в 1800 г. Яхман опубликовал сочинение «Проверка Кантовской философии религии в отношении приписываемого ей сходства с чистым мистицизмом», к которому сам философ написал предисловие²³. У Яхмана имелся с Кантом разговор о будущей биографии, а сам Кант знал о замысле Яхмана. В письме от 16 августа 1800 г. Яхман просил Канта в соответствии с его обещанием сообщить ему важные обстоятельства собственной жизни для «полноценной биографии». Он даже составил анкету из 56 вопросов, которую отослал

²² См.: [Ludwig Ernst von Borowski], *Cagliostro, einer der merkwürdigsten Abenteurer unsres Jahrhunderts. Eine Geschichte nebst Raisonnement über ihn und den schwärmerischen Unfang unsrer Zeit überhaupt* (Königsberg: Hartung, 1790), 186–189.

²³ См.: Bernhard Reinhold Jachmann, *Prüfung der Kantischen Religionsphilosophie in Hinsicht auf die ihr beygelegte Aehnlichkeit mit dem reinen Mystizism*, mit einer Einleitung von I. Kant (Königsberg: Nikolovius, 1800). В новом издании: Bernhard Reinhold Jachmann, *Prüfung der Kantischen Religionsphilosophie in Hinsicht auf die ihr beygelegte Aehnlichkeit mit dem reinen Mystizism*, mit einer Einleitung von I. Kant (Königsberg 1800), neu hg. R. Theis mit Vorwort (Hildesheim: Olms, 1999).

в письме к Канту²⁴. Даже если исходить из того, что ответа Канта Яхман не получил, какие-то данные он все же смог собрать, написав довольно живую биографию Канта, хотя и не без ряда мелких фактических неточностей. Наибольшая же ее тенденциозность проявляется в вопросе кантовского отношения к французской революции и желании защитить своего университетского преподавателя как некоего прусского патриота от обвинений в якобинстве.

Третий биограф Канта, дьякон Васиански, тесно общался с философом на завершающем этапе жизни Канта. Более того, биография Васиански – это не столько биография философа, сколько биография болеющего и умирающего старика, за что она подвергается справедливой критике. С 1790 г. общение Васиански с Кантом становилось все интенсивнее, в результате чего он стал в конце концов душеприказчиком философа. Узурпировал ли он при этом свою власть, отстранив других имевших на это право знакомых Канта от распоряжения его делами, не до конца ясно и по сей день. В любом случае именно Васиански организовал похороны Канта и распорядился в соответствии с завещанием его имуществом. В отличие от Боровски и Яхмана, собственных работ Васиански не имел, а поэтому его кантовская биография оказалось единственной его печатной работой. В ней он опустил имена многих здравствующих современников, которые тем не менее записал в своем «Экземпляре автора с примечаниями, не предназначенными для публики». Эти рукописные заметки в конце XIX в. были изданы П. Цыганом²⁵. На их основе в готовящемся издании расшифрованы многие имена, которые автор оставил лишь инициалами, а также добавлены другие заслуживающие внимания подробности.

²⁴ Bernhard Reinhold Jachmann, «Brief an I. Kant vom 16. August 1800», in *Kant's Gesammelte Schriften*, hg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, Bd. XII (Berlin: Walter de Gruyter, 1922), 323–324, Nr. 872.

²⁵ Paul Czygan, «Wasianski's Handexemplar seiner Schrift: Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. Ein Beitrag zur Kenntnis seines Charakters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius. 1804», *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia* 17 (1892): 109–140.

Именно биография Васиански была положена в основу литературных произведений и художественных фильмов о жизни Канта²⁶, в силу чего полукарикатурный образ философа, созданный Васиански, стал неким широко распространенным в культурных кругах феноменом. По сравнению с двумя предыдущими русскими переводами биографии Васиански²⁷ в готовящемся томе новый перевод отличается как некоторыми деталями собственно перевода, так и в первую очередь обширными комментариями и уточнениями.

Как и три предыдущих биографа, Ринк также был бывшим студентом Канта. После обучения в Альбертине с 1786 по 1789 гг. он продолжил свое образование в других немецких городах, а также в Лейдене, где учился у классического филолога Д. Рункена – друга детства Канта, с которым кёнигсбергский философ учился еще в Коллегиуме Фридрициануме. Позже Ринк опубликовал биографию Рункена²⁸. Вернувшись

²⁶ На ее основе написан роман «Последние дни Иммануила Канта» (1827) английского писателя Т. Де Квинси. Этот роман, в свою очередь, в 90-е гг. XX в. был экранизирован режиссером Ф. Коллином (*Les derniers jours d'Emmanuel Kant*). А в 2001 г. современным испанским писателем Х.Л. де Хуаном под впечатлением Де Квинси был опубликован роман «Вспоминая Лампе», в котором дана попытка представить жизнь Канта глазами его слуги (см. в рус. переводе: Х.Л. де Хуан, «Вспоминая Лампе», пер. Т.В. Родименко, *Иностранная литература* 3 (2009), 3–89). Некоторые эпизоды, известные из кантовской биографии Васиански, обыгрывал в своих рассказах и С.Д. Кржижановский – см., в частности, его рассказ «Якоби и “якобы”»: С.Д. Кржижановский, *Собрание сочинений в 5 т.*, т. 1 (СПб.: Symposium, 2001), 107–122.

²⁷ Эреготт Андреас Кристоф Васянский, *Иммануил Кант в последние годы жизни = Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren*, пер. А.И. Васкиневич (Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013); Эреготт Андреас Кристоф Васянский, *Иммануил Кант в последние годы жизни*, пер. А.И. Васкиневич (Калининград: Тип. «Бизнес-Контакт», 2019); Эреготт Андреас Кристоф Васянский, *Иммануил Кант в последние годы жизни*, пер. А.С. Зильбера под ред. И.Д. Копцева, *Кантовский сборник* 1/39 (2012): 55–61; 2/40 (2012): 65–78; 3/41 (2012): 88–95; 4/42 (2012): 100–114; 1/43 (2013): 98–106; 2/44 (2013): 83–92.

²⁸ См.: Friedrich Theodor Rink, *Tiberius Hemsterhuys und David Ruhnken. Biographischer Abriß ihres Lebens. Für Freunde der Humanität und des Studiums der Alten insbesondere* (Königsberg: Goebbels und Unzer, 1801).

в начале 90-х гг. в Кёнигсберг, он стал преподавать в университете восточные и древние языки, а также стал участником кантовских застолий. В 1801 г. он, однако, закончил свою преподавательскую деятельность в Кёнигсберге и стал пастором. Таким образом, трое из четырех представленных в издании биографов Канта были духовными лицами. Но только Ринк был профессором – коллегой Канта по университету, пусть и в тот момент, когда преподавательская карьера Канта уже завершилась. Именно Ринку вместе с Г.Б. Йеше Кант передал часть своих бумаг для будущей публикации. Ринк еще при жизни кёнигсбергского философа опубликовал лекции Канта по физической географии²⁹, по педагогике³⁰, кантовское сочинение по вопросу конкурсного задания Берлинской академии наук о прогрессе в метафизике³¹ и сборник небольших работ, включающий шесть докритических сочинений Канта³². Общение с Кантом как коллегой, знакомство с Рункеном, работа с кантовскими рукописями и иными бумагами способствовали тому, что Ринку удалось создать иной образ Канта, дополняя трех предыдущих биографов. Сильной стороной его биографии явилось также сопоставление Канта с Хр. Гарве.

Четыре биографии дополняются биографическими материалами, собранными в 1804 г. профессором университета Кёнигсберга С.Г. Вальдом при подготовке доклада памяти умершего коллеги. Получив соответствующее поручение от университета, но не будучи близко знакомым с Кантом, Вальд составил анкету, которую оперативно разослал кантовским друзьям, приятелям и коллегам. Собранный таким образом материал

²⁹ Immanuel Kant, *Physische Geographie*, Auf Verlangen des Verfassers, aus seiner Handschrift hrsg. und zum Theil bearbeitet von Friedrich Theodor Rink, Bd. 1–2 (Königsberg: Goebbels und Unzer, 1802).

³⁰ Immanuel Kant, *Über Pädagogik*, hg. Friedrich Theodor Rink (Königsberg: Nicolovius, 1803).

³¹ Immanuel Kant, *Über die von der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin für das Jahr 1791 ausgesetzte Preisfrage: Welches sind die wirklichen Fortschritte, die die Metaphysik seit Leibnizens und Wolf's Zeiten in Deutschland gemacht hat?*, hg. Friedrich Theodor Rink (Königsberg: Goebbels und Unzer, 1804).

³² Immanuel Kant, *Sammlung einiger bisher unbekannt gebliebener kleiner Schriften*, hg. Friedrich Theodor Rink (Königsberg: Nicolovius, 1800).

оказался во многих отношениях уникальным. Во-первых, благодаря этому оставили свои свидетельства о жизни Канта те, кто в противном случае унесли бы их с собой в могилу – намерения писать собственные биографии Канта у них не было. Во-вторых, в силу анкетного характера мы имеем удачную возможность сравнить ответы на один и тот же вопрос со стороны разных людей из кантовского окружения. В-третьих, имеется возможность сопоставить представленный в этих анкетах материал и с предыдущими четырьмя биографиями. В наибольшей степени это касается Боровски и Васиански – они оба также ответили на вопросы Вальда, причем в ряде случаев их ответы расходятся с их более поздними биографиями Канта. Среди тех, кто ответил на вопросы анкеты, помимо упомянутых уже биографов, были давний коллега Канта, профессор физики университета Кёнигсберга К.Д. Ройш³³, профессор математики и придворный проповедник И. Шульц, автор ценного Кантом разъясняющего комментария к «Критике чистого разума»³⁴, Ш. Ванновски, об общении которого с Кантом до нас дошли лишь отрывочные данные, Кр.Ф. Хайльсберг, который на тот момент был старейшим из оставшихся в живых друзей юности Канта, профессор камералистики университета Кёнигсберга Хр.Я. Краус, долгое время бывший, пожалуй, самым близким коллегой Канта, профессор математики И.Ф. Гензихен, который унаследовал некоторую часть материалов Канта после смерти философа, профессор поэзии Альбертины К.Л. Пёршке. Ответы, представленные в переведенных анкетах, по сравнению с четырьмя предыдущими биографиями носят более непосредственный характер и содержат целый ряд незаменимых сведений о жизни кёнигсбергского философа. Доступными они стали благодаря деятельности кёнигсбергского библиотекаря Р. Райке, который их опубликовал в 1860 г.

³³ Его сын позднее написал собственную биографию Канта, посвященную преимущественно позднему периоду жизни философа и опубликованную уже после смерти автора. См.: Christian Friedrich Reusch, *Kant und seine Tischgenossen* (Königsberg: In Commission bei Tag & Koch, 1849).

³⁴ Иоганн Шульц, *Разъясняющее изложение «Критики чистого разума»: Руководство для чтения*, пер. Б.А. Фохта (М.: URSS, 2010).

Все собранные в готовящемся издании биографии Канта, за исключением биографии Васиански, публикуются на русском языке впервые. Перевод биографий Боровски, Васиански и Яхмана выполнен по немецкому изданию 1993 г. под редакцией Ф. Гросса³⁵ и сверен с оригинальными изданиями 1804 г.³⁶ Перевод биографии Ринка выполнен по оригинальному изданию 1805 г.³⁷, а фрагмент из «Кантианы» Райке – по репринту 1860 г.³⁸ с оригинальной публикации в журнале «*Neue preußische Provinzial-Blätter*»³⁹.

3. Проблемы перевода ранних биографий Канта

Как и любые другие письменные источники, ранние биографии Канта несут на себе отпечаток времени и места их написания, индивидуальных особенностей их автора и специфики того потенциального адресата, для прочтения которому они предназначались. Этот отпечаток наделяет тексты определенными особенностями, которые не вызывали трудностей для восприятия у современников и соотечественников автора, обладавших схожим с ним культурным и интеллектуальным багажом,

³⁵ *Immanuel Kant: Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L.E. Borowski, R.B. Jachmann und E.A. Ch. Wasianski*, hg. F. Gross, mit einer neuen Einleitung von R. Malter (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993).

³⁶ Ludwig Ernst von Borowski, *Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kant's. Von Kant selbst genau revidirt und berichtigt* (Königsberg: Nicolovius, 1804); Reinhold Bernhard Jachmann, *Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund* (Königsberg: Nicolovius, 1804); Ehregott Andreas Christoph Wasianski, *Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. Ein Beytrag zur Kenntniß seines Charakters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm* (Königsberg: Nicolovius, 1804).

³⁷ Friedrich Theodor Rink, *Ansichten aus Immanuel Kant's Leben* (Königsberg: Goebbels und Unzer, 1805).

³⁸ *Kantiana. Beiträge zu Immanuel Kants Leben und Schriften*, hg. R. Reicke (Königsberg: Th. Theile's Buchhandlung, 1860).

³⁹ «Kantiana. Beiträge zu Immanuel Kants Leben und Schriften», *Neue preußische Provinzial-Blätter*, 3. Folge, 6 (1860): 97–176.

но иногда оказываются совершенно непрозрачными для читателей других стран и эпох, требующими не только перевода с одного языка на другой, но и с культурного кода одной эпохи на культурный код и образ мысли другой. В случае с ранними биографиями Канта речь идет о текстах, написанных в начале XIX в. в Кёнигсберге, главном городе Восточной Пруссии, одной из самых отдаленных провинций Прусского государства, находившейся на ее восточной окраине. Их авторы принадлежали к образованному сословию, которое мы сегодня назвали бы «служащими», имевшему к моменту написания биографий достаточно прочное положение в провинциальной церковной, университетской или чиновничьей иерархии. Эти обстоятельства предопределили особенности языка, на котором написаны ранние биографии: это литературный немецкий язык второй половины XVIII – первой половины XIX столетия, местами витиеватый и, возможно, несколько архаичный даже для современников (биография Боровски); мало отличающийся от канцелярита чиновников, перенасыщенный латинизмами и галлицизмами (биографические материалы Райке); богатый провинциализмами (биография Васиански), медицинской, естественно-научной и технической терминологией (биографии Яхмана и Райке); содержащий образцы разговорной речи (биографии Васиански, Яхмана) и поэтического творчества Канта⁴⁰ (биография Ринка). И для всех без исключения биографий, о которых идет речь

⁴⁰ В своей биографии Канта Ринк приводит одно из стихотворений, написанных Кантом для одного из сборников. В виде подстрочного перевода немецкого оригинала это стихотворение можно передать на русский язык следующим образом:

Ход вещей представляется взору всякого таким,
Каким его рисует зеркало, данное ему природой.
Одному обман кажется смешным, другому печальным.
Один живет только для удовольствия, другой – лишь для видимости.
Подобно глупости слепой насмешливо глядят друг на друга.
Этот бросается в могилу; тот бредит в темном безумии.
И лишь одно правило не будет вырвано из сердца:
Будь человечен, честен, верен и безвинен в совести своей!
(такова похвала Лестока) остальное только игра,
Ведь быть человеком и мудрым для смертного слишком много!

в настоящей статье, характерно обилие имен, названий и описаний разного рода биографических, географических и исторических деталей, что вполне естественно для самого жанра биографических материалов. В совокупности все это создает для переводчика ряд специфических трудностей, преодоление которых требует глубокого погружения в целый спектр самых разнообразных контекстов (например, исторический, культурный, историко-философский, медицинский, бытовой и персональный) времени и места, в котором проходила жизнь Иммануила Канта. При этом важнейшей задачей переводчика было, с одной стороны, максимально точно уловить смысл и дух сообщаемых в биографических материалах сведений о философе и окружающей его действительности и, с другой стороны, постараться передать все это современному читателю, в большинстве своем имеющему весьма приблизительное представление о восточно-прусских реалиях XVIII столетия. В широком смысле решить эту задачу оказалось невозможным без разработки обширного научного аппарата и подготовки многочисленных комментариев, которые, по сути, составляют единое и неразрывное целое с собственно текстом перевода. В более узком смысле трудности перевода кантовских биографий можно разделить на несколько основных групп или категорий, о которых пойдет речь ниже.

К первой такого рода категории затруднений, с которыми сталкивается переводчик биографических материалов Канта, написанных его современниками, является сам язык этих материалов. Они написаны на несколько архаичном немецком языке второй половины XVIII – первой половины XIX вв., отличающемся от современного немецкого языка стилистическими и лексическими особенностями, с довольно большим количеством устаревших слов и выражений. Кроме того, тексты биографий хотя и написаны в целом на литературном немецком языке своего времени, в них тем не менее содержится ряд (восточно-)прусских и локальных кёнигсбергских диалектизмов, которые были свойственны речи как самого Канта, так и его окружения. Следует принимать во внимание, что Кант провел всю свою жизнь в Восточной Пруссии и в быту говорил нередко с использованием слов и выражений на восточно-прусском

диалекте немецкого языка, о чем упоминают биографы-современники, входившие в его самое близкое окружение, в котором он мог себе позволить общаться более непосредственно и неформально. Об этом недвусмысленно свидетельствует Боровски, описывая нелюбовь философа к использованию вычурного, «казенного языка», канцелярита в неофициальной, дружеской обстановке, в которой «он желал простого разговора, без всякого жеманства, – и даже никогда не старался избегать обыденных, сдобренных провинциализмами выражений»⁴¹. Словам Боровски вторит и Яхман, который в своей биографии Канта сообщает по этому поводу следующее: «Кант, пользуясь родным языком, был настолько беспечен, что употреблял в своей речи провинциализмы, и произносил многие слова неправильно, с провинциальным акцентом»⁴². При этом складывается впечатление, что в преклонном возрасте, ближе к концу своей жизни, когда Кант уже был в меньшей степени связан условностями и необходимостью соответствовать своему положению и социальному статусу, он стал значительно чаще употреблять просторечные слова и диалектизмы своего родного восточно-прусского наречия. Так, например, в своей биографии философа Васиански приводит недовольное восклицание Канта в адрес своего слуги Лампе, который никак не мог правильно запомнить название «Гартунгской газеты» и, чтобы не спутать ее с «Гамбургской газетой», называл ее «Гартманской газетой». «I was Hartmannsche Zeitung!» – восклицал на восточно-прусском диалекте разгневанный Кант: «Эта вот “Гартманская газета”!»⁴³. Помимо просторечий и диалектизмов Кант по мере угасания его могучего интеллекта стал с возрастом все чаще произносить что-то невнятное, нередко напевал слова народных песен или бормотал нелепые детские стишки, которые он слышал в ранней юности на улицах Кенигсберга, один из которых приводит Васиански: «Vacca, eine Zange, forceps, eine Kuh, rusticus, ein Knebelbart; ein nebulo bist du» (т.е. буквально: «корова (лат.), щипцы (нем.), щипцы (лат.), корова (нем.), крестьянин,

⁴¹ Borowski, *Darstellung*, 48–49.

⁴² Jachmann, *Immanuel Kant*, 129.

⁴³ Wasianski, *Immanuel Kant*, 232.

простолюдин (лат.), бородка клином (нем.), бездельник ты (смесь лат. и нем.)»⁴⁴. В этом очевидно бессмысленном наборе немецких и латинских слов не прослеживается какой-либо логики, что представляет для переводчика непростую задачу попытаться эту логику обнаружить, а если это все-таки сделать не удастся, то передать алогичность и бессмысленность этого набора слов русскоязычному читателю. Помимо употребления диалектизмов, провинциализмов и просторечных оборотов, в дружеской обстановке Кант нередко любил «поиграть» с идиомами и выражениями своего родного языка, переворачивая и по-разному истолковывая их составные части, пытаясь раскрыть в них скрытое внутреннее значение, в определенном смысле предвосхищая языковые опыты Мартина Хайдеггера. Пример подобного рода «языковых игр» приводит Яхман, который пишет о том, что Кант истолковывал слово «Karmaus»⁴⁵ как «Kram aus»⁴⁶, а «Helpolium»⁴⁷ как «Help hol em»⁴⁸, вызывая подобными упражнениями в остроумии восхищение и удовольствие окружающих.

В качестве другой такой условной группы трудностей при переводе ранних биографий Канта можно выделить ряд понятий, отражающих специфические немецкие или прусские исторические реалии XVIII в., для передачи которых в современном русском, а зачастую и в современном немецком языке элементарно не существует адекватного эквивалента, и переводчику приходится по сути либо делать «кальку» с немецкого оригинала, либо «придумывать» новый термин. В обоих случаях понять смысл получившегося термина современному читателю довольно проблематично без подробного уточняющего комментария. К примеру, понятие «Kriegs- und Domänenrat»⁴⁹, обозначающее должность, которую занимал Кристоф Фридрих

⁴⁴ Wasianski, *Immanuel Kant*, 268.

⁴⁵ Путаница; неразбериха; суматоха; беспорядок; смятение; сумбур; сумятица; хаос (нем., диалект).

⁴⁶ Вытаскивай (нем.).

⁴⁷ Значение слова не удалось установить.

⁴⁸ Помоги привести его! (нем.).

⁴⁹ Borowski, *Darstellung*, 14.

Хайльсберг (Heilsberg), было переведено посредством выражения «советник военно-доменной камеры», мало о чем говорящего современному русскоязычному читателю, не знакомому близко с историей Пруссии и со структурой ее административного аппарата. Чтобы компенсировать пробел и передать читателю смысл термина, в комментариях необходимо уточнять, что военно-доменные камеры – это провинциальные административные учреждения в Пруссии XVIII – первой половины XIX вв., созданные при короле Фридрихе Вильгельме I в 1723 г. в рамках реформы управления в провинциях. Они были своего рода прообразом провинциальных административных округов, созданных в Пруссии в XIX в., в рамках которых военное и гражданское деление страны совпадало друг с другом, в определенном смысле напоминая современное административное деление России на военные и федеральные округа. Таким образом, в случае с Хайльсбергом, речь шла о чиновнике, занимающем среднее положение в провинциальном бюрократическом аппарате. В тексте ранних биографий Канта обнаруживаются и многочисленные другие упоминания различных чиновничьих должностей (например: консисторский советник (Konsistorialrat), военный советник (Kriegsrat), камерный секретарь (Kammersekretär), тайный финансовый советник (Geheimer Finanzrat), коммерческий советник (Kommerzienrat), советник медицины (Medizinalrat) и т.д.), что, вне всякого сомнения, является важным указанием на тот социальный слой и круг общения – чиновничество, «разночинцы» в терминологии российских реалий XVII–XIX вв., – к которому философ, бывший по своему социальному статусу по сути университетским чиновником, принадлежал сам и в рамках которого проходила вся его профессиональная и личная жизнь. Дружба с графами семейства Кейзерлинк, генералом фон Лоссовым и другими представителями высшей аристократии, как и добрые приятельские отношения со слугой Лампе, общение с родственниками были скорее исключением.

Еще одна группа трудностей, с которой сталкивается переводчик при передаче ранних биографических материалов о жизни Канта на русский язык, связана с обилием научной, медицинской, технической, бытовой и т.д. лексики XVIII–XIX вв.,

которой особенно изобилуют сюжеты из поздней жизни философа, когда он проявлял большой интерес к различным медицинским и научным теориям и опытам, а также рассказы о состоянии здоровья Канта. Для точного и понятного современному читателю перевода всех этих сюжетов и рассказов на современный русский язык требуется не только понимание сути описываемых процессов, но и определенное погружение в историю науки и медицины, микроисследования истории научно-популярных теорий и понятий. В качестве примера подобного использования устаревшей естественно-научной терминологии можно сослаться на описание Васиански интереса Канта к опытам английского химика и медика Томаса Беддоуса, занимавшегося экспериментами с газами для лечения туберкулеза. В этом сюжете биограф называет кислород словом «Lebensluft» (букв. «воздух жизни», «жизненный газ»), в то время как в современном немецком языке он носит название «Sauerstoff» (букв. «кислое вещество») ⁵⁰. В другом случае один из пассажей из анкеты Штефана Ванновски ⁵¹, приводимой в биографических материалах Райке, наглядно иллюстрирует живой интерес Канта к военному делу, но мало понятен современному читателю: «Кант проявлял большой интерес к фортификации, и вообще к *Architectura militaris*, а также к пиротехнике. Несколько раз он пытался мне объяснить, что такое “globe”, или глоб-де-компрессион [*Globes de Compression*], но, к сожалению, в этой специальности и в данном случае нашел во мне необучаемого ученика» ⁵². Слово «глоб-де-компрессион» (с фр. букв. «сдавленный шар», «стесняющий шар», «гнетущий шар»), означающее род фугаса для разрушения минной галереи, мало что говорит современному читателю, не знакомому с военной терминологией XVIII в. Для Канта и его современников вышеуказанное значение было настолько же очевидным и понятным, как для современного читателя слова бомба, мина или снаряд, и не требовало особого комментария. В русском же переводе

⁵⁰ Wasianski, *Immanuel Kant*, 205.

⁵¹ Штефан Ванновски (1749–1812) – проповедник польской реформатской церкви в Кёнигсберге, ректор латинской реформатской школы.

⁵² *Kantiana*, 40.

оно требует как минимум пояснения и отсылки к словарю галлицизмов⁵³, которыми изобилует не только немецкий язык XVIII в., но и русский язык того же времени. В русском тексте этот военный термин французского происхождения был оставлен в своей исходной форме, употребленной в оригинале, поскольку при буквальном переводе возникала бы опасность как неверного истолкования смысла слова, так и потери стилистического «флера» источника.

Употребление устаревшей медицинской терминологии наглядно демонстрируют пассажи из биографий Яхмана и Вассански, описывающих недуги философа. В преклонном возрасте Кант часто жаловался на проблемы с пищеварением, на «Blähung auf dem Magenmunde» (букв. «метеоризм, вздутие в устье желудка»). Но перевести «Magenmund» буквально, как «устье желудка», было бы неправильно, поскольку в русском языке такого понятия не существует ни в медицинской терминологии, ни в обыденной речи. Поэтому в данном случае переводчику не остается ничего иного, как обращаться к медицинским источникам и пытаться разобраться, как именно в современном русском языке называется эта часть пищеварительной системы человека. Поиски приводят сразу к нескольким вариантам перевода этого понятия: «кардия», «нижний пищеводный сфинктер» «гастроэзофагеальный сфинктер», «кардиальный сфинктер», которые обозначают мышечный клапан, находящийся между пищеводом и желудком. Основная функция этого клапана заключается в том, чтобы не допускать возврата пищи в пищевод после ее поступления в желудок. Как следует из современной медицинской литературы⁵⁴, при недостаточности кардии клапан не затворяется полностью, что приводит к рефлюксу – обратному току содержимого желудка в пищевод. Это вызывает раздражение и воспаление слизистой оболочки пищевода и постепенное ухудшение его функции, что может приводить к затруднению

⁵³ Н.И. Епишкин, *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. М.: ЭТС, 2010, <https://gallicismes.academic.ru/>

⁵⁴ См., например: Ф.И. Комаров, А.Л. Гребенёв, *Руководство по гастроэнтерологии*, т. 1 (М.: Медицина, 1995); В.Т. Ивашкин, Ф.И. Комаров, С.И. Рапопорт, *Краткое руководство по гастроэнтерологии* (М.: М-Вести, 2002).

глотания. При этом больной, как правило, начинает терять вес, так как ему становится трудно поглощать достаточное количество пищи, и это в результате приводит к недостатку сил и физической слабости. Симптомы точно совпадают с описаниями из ранних биографий Канта о его проблемах с пищеварением, которые, судя по всему, и стали одной из главных причин физической немощи философа в последние годы его жизни. Для перевода на русский язык немецкого слова «Magenmund» выбор пал на наиболее простой из вариантов – «кардия», поскольку остальные медицинские термины выглядят слишком современными и диссонировали бы с текстом начала XIX в.

Трудными для современного восприятия (и, соответственно, для перевода на современный язык) тексты ранних биографий делает и множество латинских терминов и латинизмов, которыми они изобилуют в той же мере, как и сочинения самого Канта. Особенно много их в анкетах современников Канта, собранных и изданных Райке в сборнике «Кантиана». Ярким образчиком может служить один из ответов (принадлежавший Карлу Даниэлю Ройшу) из собранных Райке анкет. На вопрос анкеты о том, когда Кант прекратил чтение своих лекций в университете, Ройш ответил следующее: «В каталоге лекций летнего семестра 1797 значитя: *Logicam, modo per valetudinem seniumque liceat, proponet*⁵⁵ etc. Кант, и в каталоге зимнего семестра 1797/8: *Ob infirmitatem senilem lectionibus non vacabit*⁵⁶ etc. Кант»⁵⁷. Вряд ли эта фраза будет понятна современному читателю, если не сопроводить ее подстрочным переводом и комментарием. Для образованного же человека XVIII – начала XIX вв. она была обычной, совершенно прозрачной по смыслу и не вызывающей каких-либо затруднений, подобно тому как для многих наших современников не представляют проблемы многочисленные вставки английских слов или даже целых фраз и выражений на английском языке: сегодня это такая же часть

⁵⁵ Прочтет логику, если ему позволят здоровье и старость (лат.).

⁵⁶ Если не будет освобожден от лекции из-за старческой немощи (лат.).

⁵⁷ См. сборник лекционных каталогов университета Кёнигсберга времен жизни Канта: *Vorlesungsverzeichnisse der Universität Königsberg (1720–1804)*, hg. M. Oberhausen, R. Pozzo, Bd. 1 (Stuttgart-Bad Cannstatt, 1999).

культурного кода образованного человека, как для древних римлян было знание древнегреческого языка, для европейского Средневековья – знание латыни, а для европейского Нового времени – знание латыни и французского.

Помимо терминов, нередко в биографических материалах можно встретить различные латинские крылатые выражения и цитаты известных авторов. Так, Боровски в своей биографии Канта приводит эпитафию из Сенеки⁵⁸: «*de vita beata. L.I. Nihil magis praestandum est, quam ne pecorum ritu sequamur antecedentium gregem, pergentes non qua eundum est, sed qua itur*»⁵⁹. Ринк, в свою очередь, вспоминает, что философ любил цитировать Лукреция: «Из Лукреция, в частности, он с настоящим юношеским огнем цитировал иногда длинные, особенно возвышенные места. Его *Ne cede malis, sed contra audentior ito*⁶⁰, было подходящим выражением, которое, как считал сам Кант, точно описывало его душевную силу»⁶¹. Однако для самого философа и для его образованных современников латинские слова и выражения были вполне понятны и не требовали перевода, поскольку были частью стандартного для того времени классического образования, обстоятельно разбирались и заучивались на занятиях по латинскому языку, который был одним из главных предметов в школьном образовании того времени. Разумеется, просто перевести их на русский язык нельзя, потому что в этом случае читатель получил бы упрощенное и искаженное представление о тексте оригинала, местами представляющего собой причудливую немецко-латинскую смесь, передать которую возможно лишь при сохранении латинских слов и выражений в их изначальном виде. Поэтому и здесь, как и во множестве

⁵⁸ Borowski, *Darstellung*, 20.

⁵⁹ «Значит, главное для нас – не уподобляться овцам, которые всегда бегут вслед за стадом, направляясь не туда, куда нужно, а туда, куда все идут» (Сенека, «О блаженной жизни», 13, 1.3; см. также: Иммануил Кант, «Мысли об истинной оценке живых сил», в *Собрание сочинений: в 8 т.*, т. 1 (М.: Чоро, 1994), 52.

⁶⁰ «Не отступай перед бедой, но смело иди ей навстречу» (лат.). Ринк ошибается: в действительности авторство этого крылатого выражения принадлежит не Лукрецию, а Вергилию (см. *Энеида*, VI, 95).

⁶¹ Rink, *Ansichten*, 20.

других случаев, решать проблему адекватной передачи смысла и стилистических особенностей оригинального текста биографий приходилось при помощи комментариев в подстрочнике.

Огромное количество имен, географических названий, наименований и фактов, содержащихся в ранних биографиях Канта, само по себе не представляет большой сложности для перевода. Однако в ряде случаев они, как и трудные для перевода слова и фразы, требуют пояснений и комментариев, без которых смысл текста оригинала будет ускользать от современного читателя, не знакомого, к примеру, с топографией Кёнигсберга и Восточной Пруссии XVIII–XIX столетий и не имеющего представления о социальном окружении Канта, о всем том круге его друзей, родственников, близких и дальних знакомых и т.д., имена которых были хорошо известны жителям его родного города и которых биографы часто могли позволить себе сокращать до одной лишь заглавной буквы. В последнем случае возникала и чисто переводческая проблема, поскольку некоторые заглавные латинские буквы оставляли несколько вариантов для дальнейшей передачи на русский язык: например, заглавная латинская «С.» могла в итоге передаваться на русский и как «К.», и как «Ч.», и как «С.» в зависимости от того, какая вторая буква должна была бы следовать в полном написании имени. В случае же указания одних лишь инициалов возникает очевидная проблема идентификации указанного лица, поскольку заглавные латинские буквы ничего не говорят неискушенному читателю, как в случае с упоминанием лечащего врача Канта у Васиански: «Я сразу же послал за врачом, господином М. R. D. E., а сам тут же поторопился туда и нашел Канта лежащим в постели без сознания, безмолвным и с безжизненным взглядом»⁶². Этим врачом был медицинский советник доктор Кристоф Фридрих Элснер (1749–1820), профессор медицины в университете Кёнигсберг, т.е. в определенном смысле коллега Канта, чей сын был его учеником.

⁶² Wasianski, *Immanuel Kant*, 253. Начальные буквы M. R. D. E. означают следующее сокращение: медицинский советник доктор Элснер (Medizinalrath Dr. Elsner).

При передаче географических названий (в частности, названий населенных пунктов и частей города) на русский язык были сохранены немецкие названия, которые сопровождалось в подстрочном комментарии указанием на соответствующее каждому современное русскоязычное название и локализацией на современной карте, как, к примеру, в случае с Лицентом (Lizent) и Форштадтом (Vorstadt), частями Кёнигсберга времен Канта, а также с Юдшеном (Judschen), Арнсдорфом (Arnsdorf), Вонсдорфом (Wohnsdorf), Пиллау (Pillau), Модиттеном (Moditten) – населенными пунктами в Восточной Пруссии, в которых бывал Кант. Названия кёнигсбергских улиц и локаций, как правило, переводились полностью или частично для передачи тех смысловых ассоциаций, которые они вызывают у немецкоязычного читателя: Шорный переулок (Sattlergasse), Магистерский переулок (Magistergasse), Бычий рынок (Ochsenmarkt), Деревянные ворота (Holztor). Определенную сложность представляли для переводчика и некоторые несовпадения и несоответствия в фактах, определениях или именах, содержащихся в биографических материалах. Они порождали своеобразную дилемму: переводить ли слово или описание буквально, в том виде, в каком оно приводится в оригинальном тексте соответствующей биографии, или же сопоставить его с другими биографиями и источниками, т.е. провести своего рода факт-чекинг и основываться в переводе прежде всего на результатах последнего. Дилемма эта во всех без исключения случаях решалась посредством первой стратегии, которая позволяет не искажать оригинальный текст, при этом с обязательным пояснением в комментарии, благодаря которому читатель информируется о возможной неточности или ошибочной информации в биографическом материале.

4. Ранние биографии Канта в сравнении с современными

Биографии, написанные современниками Канта, существенно отличаются от привычных современному читателю интеллектуальных биографий. Отличия касаются как содержания, так

и структуры биографий, требования к которым в XVIII в. были существенно иными, нежели в XX и XXI вв. Попробуем выделить наиболее значимые аспекты этих отличий.

Как уже было упомянуто выше, авторы всех биографий (Л.Э. Боровски, Р.Б. Яхман, Э.А.Кр. Васиански и Ф.Т. Ринк) были лично знакомы с Кантом. Эта очевидная особенность служит важным фактором, определяющим стиль изложения. Авторы представляют собственный взгляд на его личность и polemизируют с составителями биографий, которые пересказывают (часто ошибочно) сведения о нем с чужих слов. Особенно наглядны в последнем отношении приложения к биографиям Боровски и Ринка, в которых подробно, с указаниями на конкретные страницы и утверждения, выделены недостатки одной недавно вышедшей биографии Канта⁶⁵.

Другим следствием является удивительная для читателей, привыкших к манере изложения в современных биографиях, эмоциональность, с которой авторы пытаются опровергнуть сведения, по их мнению, порочащие Канта или как минимум представляющие его в не совсем выгодном свете. Это стремление, особенно заметное в биографии Яхмана, приводит к тому, что представленный портрет Канта оказывается во многом идеализированным и типизированным, лишенным интересных отличительных черт и противоречий. Яхман настолько умело обходит острые углы (в том числе конфликты Канта с коллегами по университету и его споры с другими философами: например, с Гарве и Гердером) и употребляет такое число эпитетов в превосходной степени, что легко может возникнуть впечатление, будто мы имеем дело скорее с жизнеописанием религиозной личности, а не с биографией философа.

Некоторые биографии содержат части, написанные при жизни Канта. В первую очередь, биография Боровски, по его собственным словам во введении, представляет собой расширенную и доработанную версию текста, написанного для выступления в Королевском немецком обществе Кёнигсберга в 1792 г., но

⁶⁵ *Immanuel Kant's Biographie*, Bd. 1–2 (Leipzig, 1804). Автор биографии не указан, но предположительно речь идет о Георге Самуэле Альберте Меллине, проповеднике из Магдебурга, состоявшем в переписке с Кантом.

в соответствии с пожеланиями Канта не представленного публике до его ухода из жизни. Эта уникальная особенность позволяет нам при достаточно внимательном анализе судить о том, какие фрагменты по прошествии двенадцати лет были изменены автором биографии и по какой причине.

Характерной для всех четырех биографий Канта, как и вообще для биографий того времени, отличительной чертой является большое число личных свидетельств и анекдотов о философе, позволяющих более живо представить его как человека, а не только как автора философских текстов. В таком подходе есть и достоинства, и недостатки. Изобилие живых примеров подогревает читательский интерес, контрастируя с более поздними, нередко сухими и академичными биографиями. В то же время структура повествования в биографиях оказывается менее четкой и систематичной, а сосредоточенность рассказчиков на личности Канта, как правило, уводит их внимание от многих важных исторических деталей, более очевидных и знакомых им, нежели более поздним авторам и читателям. Кроме того, стремление друзей и современников Канта предоставить аудитории большое количество наглядных примеров, приведенных по памяти или по чужим рассказам, делает их биографии не во всех отношениях надежными источниками.

Стремление найти баланс между своим собственным отношением к Канту, доступностью изложения и убедительностью приводимых сведений ставит перед ранними биографами философа сложные задачи, решаемые ими по-разному. Боровски не одобряет взгляды Канта на религию, что сказывается на выборе материала для биографии. В частности, он опускает существенно важные эпизоды и обстоятельства, касающиеся периода обучения философа в Коллегиум Фридрицианум. Яхман, в отличие от Боровски, видит в Канте своего идейного наставника, что влияет на выбор тем и стиль изложения, богатый хвалебными эпитетами в адрес философа. Васиански, тесно общавшийся с Кантом в самый поздний период его жизни, стремится как можно детальнее и без прикрас описать его старение. Благодаря такому подходу в его биографии сведены к минимуму фактические неточности, однако она заметно проигрывает другим в интересности изложения. Наконец, в биографии Ринка мы видим

большую дистанцию по отношению к личности Канта, что позволяет ему более взвешенно (особенно в сравнении с Яхманом) оценивать особенности кантовского характера. Выбранный Ринком хронологический принцип подачи материала, не ограниченного лишь поздним периодом жизни Канта, делает его биографию более схожей с современными, хотя и не столь академичной.

Для понимания философских трудов и идей Канта написанные его современниками биографии могут, на первый взгляд, дать совсем немного – если сравнивать их с более новыми доступными нам источниками. Конечно, с библиографической точки зрения несомненную важность представляет подготовленный Боровски список изданий работ Канта, местами снабженный краткими характеристиками их содержания. Ничуть не менее важен представленный у того же Боровски список фамилий университетских профессоров и доцентов, преподававших в Германии философию Канта. (Правда, этот список не сопровождается пояснениями, так что для подробной картины влияния Канта на университетскую философию в Германии нам приходится обращаться к работе Форлендера⁶⁴ и более поздним биографиям.) Однако столь явные случаи встречаются нам относительно редко. Тем не менее, если взглянуть на ранние биографии более пристально, можно убедиться в том, что все же они способны помочь нам лучше понять методы и истоки отдельных идей и аргументов Канта. Приведем несколько коротких примеров.

В биографии Ринка подробно описаны отношения между Кантом и Христианом Гарве, в том числе бросивший на эти отношения тень конфликт, начавшийся с выхода отредактированной рецензии Гарве на «Критику чистого разума» в «Гёттингенской ученой газете»⁶⁵. Размышляя о причинах, из-за которых

⁶⁴ Karl Vorländer, *Immanuel Kant. Der Mann und das Werk* (Leipzig: Felix Meiner, 1924).

⁶⁵ «Critik der reinen Vernunft. Von Imman. Kant. 1781», *Zugabe zu den Göttingischen Anzeigen von gelehrten Sachen*, Göttingen, 1770–1782, 3. Stück, den 19. Januar 1782: 40–48. Переизд. в сб.: *Rezensionen zur Kantischen Philosophie*, hg. A. Landau, Bd. 1: 1781–87 (Webra, 1991), 9–17. Настоящая (не измененная редакторами) рецензия Гарве вышла позднее в журнале «Общая немецкая

даже после личных извинений Гарве перед Кантом отношения между философами были безвозвратно испорчены, Ринк выдвигает предположение о том, что для Канта первое впечатление о человеке всегда было самым важным (а этим первым впечатлением было именно чтение первого варианта рецензии, серьезно огорчившего Канта непониманием основного замысла и целей «Критики»). Но более важным для понимания отличий в подходе Канта и Гарве к философии – в первую очередь к ее общественной роли – представляется следующий за этой гипотезой фрагмент:

Гарве в определенном смысле пребывал преимущественно в мире светского общения и даже в своем рабочем кабинете писал для повседневной жизни, оставаясь в ней. Гарве знал, чего можно ожидать и требовать от мира, в нем был его критерий для собственной оценки. <...> Кант же принадлежал миру, особенно в последние двадцать пять лет своей жизни, лишь во время званых обедов и был в нем в определенном смысле как в своем рабочем кабинете. Остальное время было посвящено умозрениям, даже в том, что касалось знаний, представляющих общий интерес. Благодаря этому взгляды Канта, в том числе и на обычные вещи, были обыкновенно очень интересны, а его разговор столь же поучителен, сколь и приятен. Однако Кант доверялся обществу больше потому, что это было его собственной потребностью, чем для того, чтобы получить от общества что-то взамен. Мир представал перед Кантом в его рабочем кабинете, и если он внимательным взором наблюдал людей, то переносил результаты этого наблюдения все же в большей мере на науку, проявляя точно такую же строгость по отношению к другим, какую в самом полном смысле слова предъявлял и к самому себе <...>⁶⁶

Размышления Ринка представляют интерес и из современной перспективы, поскольку помогают лучше понять, как

библиотека» за 1783 г.: *Allgemeine deutsche Bibliothek*, Anhang zu Bd. 37–52, Abt. 2 (1783): 838–862. Переизд. в сб.: *Rezensionen zur Kantischen Philosophie*, 34–55.

⁶⁶ Rink, *Ansichten*, 55–57. Здесь и далее в цитатах из биографий: пер. А.Н. Саликова, под ред. А.Н. Круглова и А.Г. Жаворонкова.

именно Кант видел отношения между философом и обществом. В свою очередь, характер этих отношений определяет понимание социальных, ориентированных на общественный интерес и пользу задач философии, наиболее четко сформулированных в антропологических работах и лекциях Канта и вписанных в контекст дебатов XVIII в. о методах и целях *philosophia popularis*⁶⁷.

Другая важная для понимания кантовского метода тема, которую затрагивают биографии, – живой интерес Канта к различным научным открытиям. Об этом интересе – в частности, к открытию малых планет Церера и Паллада астрономами Джузеппе Пиацци и Генрихом Вильгельмом Маттиасом Ольберсом, к исследованиям температуры тела Готфридом Христианом Райхом и к разработанной Эдвардом Энтони Дженнером вакцине от коревой оспы – подробно упоминает Васиански⁶⁸. Все эти указания служат не только важным материалом для отсылок в конкретных случаях, когда речь идет об отношении Канта к определенному научному открытию или термину, но и демонстрируют, насколько он ценил научные методы, позволяющие лучше объяснить, почему, скажем, созданную им прагматическую антропологию он стремился привести в соответствие с критериями для научных дисциплин.

Еще один пример касается одного конкретного понятия *Urbanität*, которое появляется в лекциях по логике (AA XXIV/2: 819⁶⁹), затем в кантовской «Критике способности суждения» (AA V: 329–330), а позднее проникает в политические тексты Канта, но возникает гораздо раньше, в период, когда немецкий философ носил прозвище «элегантного магистра» (1756–1764 гг.).

⁶⁷ Суть спора, в котором помимо Гарве и Канта принимали участие многие другие известные философы Германии, состояла в вопросе о том, должна ли философия выбирать принципиально иной (например, несистемный) метод ради доступности широкой аудитории – или же будет достаточно придать идеям и аргументам академической, системной философии понятную неакадемической публике форму.

⁶⁸ Wasianski, *Immanuel Kant*, 199, 205.

⁶⁹ Здесь и далее дается ссылка на немецкое академическое издание трудов Канта: Akademie-Ausgabe, сокращенно AA.

Об этом свидетельствует любопытный фрагмент из биографии Боровски, посвященный взглядам Канта на светское общение:

К. никогда не заходил далеко в комплиментах, в пустой пышности слов, и менее всего предавался доверительным сердечным излияниям. Его дружба всегда была и оставалась хорошей содержательной прозой, лишенной какой-либо лирики. На организованном им в 1758 г. диспуте кто-то выдвинул на обсуждение тезис, что «общение вообще, и в том числе студентов, должно содержать в себе некую особую грацию». Он его не вычеркнул, но во время обсуждения объяснил нам с такой внятностью и с таким изяществом, которые до сих пор не позволяют мне это забыть, что именно может относиться к грациозному общению, показал нам, что слово «вежливость» (*Höflichkeit*) обозначает, собственно, лишь придворные манеры в изъяснении и жестах, вдохновил нас на то, что называется «воспитанностью» (*Urbanität*), которую он гораздо более предпочитал вежливости, и т.д.⁷⁰

Кант позднее использует *Urbanität* для обозначения тонкости эстетического восприятия и способности держать себя в обществе, которые можно воспитать изучением текстов и культур прошлого. В этом смысле в понятии можно увидеть и истоки возникновения кантовской концепции космополитизма, поскольку «человек мира» (*Weltmann*), как и политически активный «гражданин мира» (*Weltbürger*), по Канту, должен обладать развитыми социальными навыками общения, ориентированными не на одно только пассивное соблюдение правил, но на разумное обхождение с другими, позволяющее выстраивать с ними отношения сотрудничества.

Очевидно, что биографии Боровски, Яхмана, Васиански и Ринка могут предоставить современным читателям материал для размышления о кантовской философии. Не менее ясно тем не менее, что они возникли в существенно иных обстоятельствах, написаны иным языком и с несколько иными целями, чем более поздние работы о жизни Канта. Для более наглядного представления о том, как «старые» биографии Канта отличаются

⁷⁰ Borowski, *Darstellung*, 53–54.

от «новых», под которыми мы понимаем в первую очередь те, что были написаны в XX и XXI вв., после начала публикации академического собрания сочинений философа, взглянем на ключевые особенности нескольких наиболее популярных работ.

Выход собрания сочинений Канта послужил импульсом для появления целого ряда биографий философа, в особенности в самой Германии. Цели и задачи авторов биографий были нередко совершенно различны, варьируясь от описания всех или какого-то отдельного периода жизни Канта до описания его ключевых текстов и идей, снабженного сухими историческими справками. В классическом двухтомном жизнеописании «Иммануил Кант. Личность и творчество»⁷¹ авторства Карла Форлендера представлена детальная и разносторонняя биография, совмещающая историческое исследование с понятным для широкого читателя описанием стадий развития, направлений и ключевых идей кантовской философии. В противоположность большинству кантовских биографов Форлендер очень подробно рассматривает прижизненную рецепцию идей Канта, в особенности их влияние на преподавание философии в немецких университетах⁷². К недостаткам этой почти образцовой биографии можно отнести недооценку влияния некоторых событий (в частности, Семилетней войны) на жизнь и философию Канта, а также недостаточное освещение отдельных аспектов его философии: например, кантовских концепций права и прагматической антропологии.

В свою очередь, книга Эрнста Кассирера «Жизнь и учение Канта»⁷³ представляет собой интеллектуальную биографию, в которой историческим анекдотам и фактам отводилась маргинальная роль на фоне исследования идей. В отличие от Форлендера, Кассирер почти полностью сосредотачивается на исследовании идей Канта в разные периоды развития его философии. В этом

⁷¹ Vorländer, *Immanuel Kant*.

⁷² Ср. выше о кратком списке имен профессоров и доцентов, представленном в биографии Боровски.

⁷³ Ernst Cassirer, *Kants Leben und Lehre* (Berlin: Bruno Cassirer, 1921). Рус. изд.: Эрнст Кассирер, *Жизнь и учение Канта*, пер. М.И. Левиной, сост. С.Я. Левит, отв. ред. Л.Т. Мильская (СПб.: Университетская книга, 1997).

отношении книга представляет собой важную и оригинальную интерпретацию, в ряде аспектов более глубокую, чем у Форлендера, хотя и не совсем сбалансированную, поскольку Кассирер предпочитает теоретическую философию Канта философии практической. С другой стороны, читатель, ожидающий детального исторического исследования, может обнаружить немало недостатков, варьирующихся от крайне скудного описания жизни Канта, особенно ее раннего периода, до фактических неточностей в характеристике идей его коллег и учителей⁷⁴. Сильной стороной биографии Кассирера является включение кантовской философии в широкий контекст философских и научных дискуссий Нового времени, знатоком которых он был как автор «Философии Просвещения» и «Проблемы познания в философии и науке Нового времени»⁷⁵.

Упомянутая ранее биография Арсения Владимировича Гулыги «Кант», сыгравшая определяющую роль в популяризации философии Канта в русскоязычной среде, наряду с выходом собраний его сочинений, написана живым и доступным языком, в то же время представляя собой серьезное и детальное историческое исследование. Утверждая, что «у Канта нет иной биографии, кроме истории его учения», т.е. внутренней истории мыслей, в противоположность монотонной и в целом малоинтересной для читателей «внешней» истории⁷⁶, Гулыга подчеркивает, что считает возможным представить публике лишь интеллектуальную биографию философа (этот тезис позднее оспорит в своей биографии Манфред Кюн). Сформулированному замыслу соответствует структура книги: каждую главу своего хронологически выстроенного исследования Гулыга начинает с краткого обзора исторического контекста, включающего и важнейшие события соответствующего периода жизни Канта, а затем переходит к описанию ключевых тем и идей кантовских работ. Отдельное, более детальное внимание в сравнении

⁷⁴ См. пример в Kuehn, *Kant: A Biography*, 446, n. 112.

⁷⁵ Стоит тем не менее указать и на существенный недостаток выбранного Кассирером подхода: в своем анализе он использует унифицированное, размытое понятие Просвещения, весьма далекое от кантовского.

⁷⁶ Гулыга, *Кант*, 5.

с другими биографиями Канта (в том числе с биографиями, написанными современниками и друзьями Канта) Гулыга уделяет периоду, когда Кёнигсберг находился в составе Российской Империи (с 1758 по 1762 г.), в частности рассказу о том, как Кант читал лекции российским офицерам. Легковесной, местами спорной в биографии Гулыги выглядит реконструкция ряда элементов кантовской критической философии, например изображение «Критики чистого разума» как в первую очередь гносеологического труда. С другой стороны, весьма любопытным, предвосхищающим более поздние тенденции в кантоведении выглядит тезис Гулыги о тесной тематической связи трех «Критик» с «Антропологией с прагматической точки зрения» и о ключевой роли антропологии для кантовской философии среднего и позднего периода. Кроме того, важной новаторской темой этой биографии явилась рецепция кантовской философии в России.

В самом начале XXI в., в 2001 г., вышла служащая современным «золотым стандартом» для английских и немецких исследований жизни Канта книга Манфреда Кюна «Кант. Биография»⁷⁷, опиравшаяся на самый широкий на сегодняшний день круг первоисточников⁷⁸ и заменившая в этом качестве биографию Форлендера. В кратком обзоре некоторых наиболее значимых исследований жизни Канта Кюн, в частности, отдает должное биографиям, написанным друзьями Канта, несмотря на все противоречия и неточности остающимся важными историческими источниками. Сам Кюн ставит перед собой две связанные друг с другом задачи – представить цельную картину эволюции идей Канта и, в отличие от своих предшественников, доказать, что жизнь «внешняя» у Канта была ничуть не менее

⁷⁷ Kuehn, *Kant. A Biography*. Рус. изд.: Манфред Кюн. *Кант: Биография*, пер. А. Васильевой, под науч. ред. К. Чепурина (М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020). Подробнее о биографии Кюна см.: А.Г. Жаворонков, «Рец. на кн.: Кюн М. Кант: Биография», *Историко-философский ежегодник* 36 (2021), 414–418.

⁷⁸ Новая источниковедческая основа во многом была создана усилиями Рудольфа Мальтера, опубликовавшего наиболее репрезентативную на сегодняшний день антологию биографических источников о Канте: Rudolf Malter, hg. und eingeleitet, *Immanuel Kant in Rede und Gespräch*, (Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1990).

интересна, чем жизнь «внутренняя». Событиям его ранних и средних лет жизни Кюн нарочито и обоснованно уделяет большее внимание, чем годам поздним⁷⁹, поскольку именно последние оказываются в фокусе биографий, написанных друзьями философа. Кюн детально описывает все грани социальной жизни Канта – его отношения с друзьями, коллегами и учениками – на фоне широкого контекста интеллектуальной жизни Германии XVIII в. Одна из наиболее удачных линий в повествовании Кюна рисует читателям картину развития кантовских представлений о религии, отдаливших от него некоторых друзей (в т.ч. от Боровски), а также поясняет причины его сложного отношения к теологии, в особенности к пиетизму, широко представленному в академических кругах Кёнигсберга⁸⁰. В описании поздних лет Канта Кюн не обходит вниманием такие важные темы, как его негативное отношение к попыткам дальнейшего развития своей критической философии, в частности, в работах Фихте. Слабой стороной биографии Кюна оказываются его попытки представить Канта как атеиста, а также порой чрезмерная дискредитация ранних биографий Канта как достоверного исторического материала⁸¹.

⁷⁹ Ранее, пожалуй, лишь кёнигсбергский кантовед Эмиль Арнольдт сделал специальный акцент на раннем этапе жизненного пути Канта, написав на солиднейшем архивном материале специальное исследование, посвященное «молодости Канта»: Emil Arnoldt, «Kants Jugend und die fünf ersten Jahre seiner Privatdozentur im Umriss dargestellt», in *Gesammelte Schriften*, hg. Otto Schöndörffer, Bd. 3 (Berlin: Bruno Cassirer, 1908).

⁸⁰ О Боровски см., например, Kuehn, *Kant*, 3. В то же время, в отличие ранних биографов Канта, Кюн не считает, что пиетизм оказал значительное влияние на кантовскую философию. С этой точкой зрения солидарны и другие ведущие исследователи, например Аллен Вуд; см. Allen Wood, *Kant and Religion* (Cambridge: Cambridge University Press, 2020), 110.

⁸¹ Отметим также, что в русском переводе биографии Кюна воспроизведен ряд ошибок из английского оригинала. В частности, (1) на стр. 140 в сноске 155 (ср. Kuehn, *Immanuel Kant*, 449, п. 155) указано: Fritz Schütz, «Immanuel Kant, Studiosus Philosophiae, in Judtschen», *Kant-Studien* 11 (1916), p. 226–229, хотя этот текст опубликован в 37 номере «*Kant-Studien*» за 1932 г., на с. 227–229. (2) На стр. 141 в сноске 159 (ср. Kuehn, *Immanuel Kant*, 450, п. 159) автор статьи «*Kant – Hauslehrer in Judtschen?*» указан с ошибкой:

Характерно, что новейшая биография Кюна содержит немало отсылок к биографиям Боровски, Васиански и Яхмана, например когда речь заходит об отношении Канта к родителям⁸², об участниках и темах знаменитых застольных бесед в доме Канта⁸³ или о возникновении кантовского *Opus Postumum*⁸⁴. Это лишний раз доказывает интересность и важность этих источников для современных читателей – как в академических кругах, так и за их пределами.

Заключение

Существенная, если не большая, часть современных исследований философии Канта не опирается на биографический материал. Однако есть ряд важных исключений. Ведь если для освещения одних тем такие отсылки, вероятно, и не требуются, то для других, в первую очередь связанных со взглядами Канта на науку, религию, политику и общество, они могут оказаться полезными. Хотя ранние биографии играют скорее фрагментарную роль в освещении кантовской философии, они дают своим читателям интересный взгляд на отдельные вопросы и проблемы кантовской мысли: например, на трактовку Кантом конкретных научных открытий или на его интерпретацию социальных аспектов рациональности. Детальность изложения и наличие важных фактов, которые могли знать только современники философа, делает их весьма ценными и для современного исследователя источниками, к которым, как мы видели на конкретных примерах, могут регулярно обращаться даже профессиональные кантоведы.

вместо «Michelis» написано «Michaelis». (3) На стр. 266 в сноске 2 (ср. Kuehn, *Immanuel Kant*, 470, п. 2) цитата из письма Бука должна быть взята не из работы Пауля Шварца, а из манускрипта из архива Ольштина: Buck an Senat, 27.6.1772, Olsztyn, XXVIII/1, Nr. 100, S. 393–394.

⁸² Kuehn, *Kant*, 31, 39 (со ссылками на свидетельства у Боровски).

⁸³ Kuehn, *Kant*, 273 (со ссылкой на рассказ Яхмана).

⁸⁴ Kuehn, *Kant*, 409 (со ссылкой на Васиански).

Разумеется, при чтении ранних биографий необходимо учитывать контекст и особенности их возникновения. Речь не только о специфическом языке, стиле и методологии подбора материала, но и о нередко встречающихся (умышленных и случайных) искажениях и неточностях, которые требуют от современных читателей подходить к этим текстам с необходимой осмотрительностью и критическим взглядом на излагаемые авторами сведения и свидетельства, сверяясь с более поздними, академическими источниками. И все же, несмотря на эти особенности и сложности, знакомство с этими биографиями позволяет дать уверенный положительный ответ на поставленный нами вопрос о том, могут ли жизнеописания философа помочь нам лучше понять его философию.

Список литературы / References

- Арендт, Ханна, Хайдеггер, Мартин. *Письма 1925–1975 и другие свидетельства*. Перевод с немецкого А.Б. Григорьева. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- (Arendt, Hannah, Heidegger, Martin. [*Letters from 1925–1975 and other texts*]. Translated by A.B. Grigor'ev. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015. (In Russian))
- Боричевский, И.А. «Идеалистическая легенда о Канте». *Вестник социалистической академии* 4 (1923): 285–308.
- (Borichevskii, Ivan A. [«Idealist Kant legend»], *Vestnik sotsialisticheskoi akademii* 4 (1923): 285–308. (In Russian))
- Васянский, Эреготт Андреас Кристоф, *Иммануил Кант в последние годы жизни = Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren*. Перевод А.И. Васкиневич. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013.
- (Wasianski, Ehregott Andreas Christoph, [*Immanuel Kant in his last years = Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren*]. Translated by A.I. Vaskinevich. Kaliningrad: IKBFU Publ., 2013. (In Russian))
- Васянский, Эреготт Андреас Кристоф, *Иммануил Кант в последние годы жизни*. Перевод с немецкого А.И. Васкиневич. Калининград: Тип. «Бизнес-Контакт», 2019.
- (Wasianski, Ehregott Andreas Christoph, [*Immanuel Kant in his last years*]. Translated by A.I. Vaskinevich. Kaliningrad: «Biznes-Kontakt» Publ., 2019. (In Russian))

- Васянский, Эреготт Андреас Кристоф, *Иммануил Кант в последние годы жизни*. Перевод А.С. Зильбера под редакцией И.Д. Копцева. *Кантовский сборник* 1/39 (2012): 55–61; 2/40 (2012): 65–78; 3/41 (2012): 88–95; 4/42 (2012): 100–114; 1/43 (2013): 98–106; 2/44 (2013): 83–92.
- (Wasianski, Ehregott Andreas Christoph, [*Immanuel Kant in his last years*]. Translated by A.S. Zil'ber, ed. by I.D. Koptsev, *Kantian Journal* 1/39 (2012): 55–61; 2/40 (2012): 65–78; 3/41 (2012): 88–95; 4/42 (2012): 100–114; 1/43 (2013): 98–106; 2/44 (2013): 83–92. (In Russian))
- Власов, А.Д. *Словарь по философии Гегеля (Феноменология духа)*. М.: МИФИ, 1997.
- (Vlasov, Andrei D. [*Hegel Dictionary (Phenomenology of Spirit)*]. Moscow: MEPhI Publ., 1997. (In Russian))
- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. *Философия права*. Перевод Б.Г. Столпнера, сверка М.И. Левиной. Под редакцией Д.А. Керимова, В.С. Нерсесянца. М.: Мысль, 1990.
- (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. *The Philosophy of Right*. Translated by B.G. Stolpner, checked by M.I. Levina, ed. by D.A. Kerimov, V.S. Nersesyants. Moscow: Mysl' Publ., 1990. (In Russian))
- Гейне, Генрих. «К истории религии и философии в Германии». Перевод А. Горнфельда. В *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 6. М.: ГИХЛ, 1958.
- (Heine, Heinrich. «On the History of Religion and Philosophy in Germany». Trans. by A. Gornfel'd. [*Collected Works in 10 Volumes*]. Vol. 6. Moscow: GIKHL Publ., 1958. (In Russian))
- Гулыга, А.В. *Кант*. М.: Молодая гвардия, 1977.
- (Gulyga, Arsenii V. *Kant*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1977. (In Russian))
- Епишкин, Н.И. *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. М.: ЭТС, 2010.
- (Epishkin, Nikolai I. [*Historical Dictionary of Gallicisms in the Russian Language*]. Moscow: ETS Publ., 2010. (In Russian))
- Жаворонков, А.Г. «Рецензия на книгу: Кюн М. Кант: Биография». *Историко-философский ежегодник* 36 (2021): 414–418.
- (Zhavoronkov, Aleksei G. Review of *Kant: A Biography* by Manfred Kuehn». *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 36 (2021): 414–418. (In Russian))
- Ивашкин, В.Т., Комаров, Ф.И., Рапопорт, С.И. *Краткое руководство по гастроэнтерологии*. М.: М-Вести, 2002.

- (Ivashkin, Vladimir T., Komarov, Fedor I., Rapoport, Semen I. [*A Short Guide on Gastroenterology*]. Moscow: M-Vesti Publ., 2002. (In Russian))
- Кант, Иммануил. *Собрание сочинений: в 8 т.* М.: Чоро, 1994.
- (Kant, Immanuel. [*Collected Works in 8 vols.*] Moscow: Choro Publ., 1994. (In Russian))
- Кассирер, Эрнст. *Жизнь и учение Канта*. Перевод М.И. Левиной, составитель С.Я. Левит, ответственный редактор Л.Т. Мильская. СПб.: Университетская книга, 1997.
- (Cassirer, Ernst. [*Kant's Life and Thought*]. Translated by M.I. Levina, compiled by S.Y. Levit, edited by L.T. Mil'skaya. Saint Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., 1997. (In Russian))
- Комаров, Ф.И., Гребенёв, А.Л. *Руководство по гастроэнтерологии*. Т. 1. М.: Медицина, 1995.
- (Komarov, F.I., Grebenev, A.L. [*A Guide on Gastroenterology*]. Vol. 1. Moscow: Meditsina Publ., 1995. (In Russian))
- Кржижановский, С.Д. «Якоби и “якобы”». В *Собрание сочинений в 5 т.* Т. 1 (СПб.: Symposium, 2001), 107–122.
- (Krzhizhanovskii, Sigizmund D. [«Jacobi and “yakoby”»]. In [*Collected Works in 5 Volumes*]. Vol. 1. (Saint Petersburg: Symposium Publ., 2001), 107–122. (In Russian))
- Кюн, Манфред. *Кант: Биография*. Перевод А. Васильевой, под научной редакцией К. Чепурина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
- (Kuehn, Manfred. *Kant: A Biography*. Translated by A. Vasil'eva, edited by K. Chepurin. Moscow: «Delo» RANKhIGS Publ., 2020. (In Russian))
- Линьков, Е.С. *Лекции разных лет*. Т. 1. СПб.: Грант-Пресс, 2012.
- (Lin'kov, Evgenii S. [*Lectures from different periods*]. Vol. 1. Saint Petersburg: Grant-Press Publ., 2012. (In Russian))
- Ницше, Фридрих. «По ту сторону добра и зла». Перевод Н.Н. Полилова. В *Полное собрание сочинений в 13 т.* Т. 5. М.: Культурная революция, 2012.
- (Nietzsche, Friedrich. «Beyond Good and Evil». Translated by N.N. Polilov. In [*Collected Works in 13 Volumes*]. Vol. 5. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2012. (In Russian))
- Сенека. «О блаженной жизни». В *Философские трактаты*. Перевод, вступительная статья и комментарии Т.Ю. Бородай. СПб.: Алетейя, 2001.
- (Seneca. «On the Happy Life». In [*Philosophical Dialogues*]. Translated and commented with introduction by T.Yu. Borodai. Saint Petersburg: Aleteiya, 2001. (In Russian))

- Толстой, Л.Н. *Полное собрание сочинений*. М.: ГИХЛ, 1928–1964.
(Tolstoi, Lev N. [*Collected Works*]. Moscow: GIKHL Publ., 1928–1964.
(In Russian))
- Хайдеггер, Мартин, Ясперс, Карл. *Переписка 1920–1963*. Перевод И. Михайлова под редакцией Н. Федоровой. М.: Ad marginem, 2001.
(Heidegger, Martin, Jaspers, Karl. [*Letters from 1920–1963*]. Translated by I. Mikhailov, edited by N. Fedorova. M.: Ad marginem Publ., 2001. (In Russian))
- Хуан, Хосе Луис де. «Вспоминая Лампе». Перевод Т.В. Родименко. *Иностранная литература* 3 (2009): 3–89.
(Juan, José Luis de. «Remembering Lampe». Translated by T.V. Rodimienko. *Inostrannaya literatura* 3 (2009): 3–89. (In Russian))
- Шульц, Иоганн. *Разъясняющее изложение «Критики чистого разума»*: Руководство для чтения. Перевод Б.А. Фохта. М.: URSS, 2010.
(Schultz, Johann. [*Expository Account of the Critique of Pure Reason: A Reader's Guide*]. Translated by B.A. Fokht. Moscow: URSS Publ., 2010. (In Russian))
- Arnoldt, Emil. «Kants Jugend und die fünf ersten Jahre seiner Privatdozentur im Umriss dargestellt». In *Gesammelte Schriften*. Herausgegeben von Otto Schöndörffer. Bd. 3. Berlin: Bruno Cassirer, 1908.
- Benn, Gottfried. «Doppelleben». In *Sämtliche Werke*. Stuttgarter Ausgabe. Herausgegeben von G. Schuster. Bd. V. Stuttgart: Klett-Cotta, 2001.
- [Borowski, Ludwig Ernst von.] *Cagliostro, einer der merkwürdigsten Abenteurer unsres Jahrhunderts. Eine Geschichte nebst Raisonnement über ihn und den schwärmerischen Unfang unsrer Zeit überhaupt*. Königsberg: Hartung, 1790.
- Borowski, Ludwig Ernst von. *Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kant's. Von Kant selbst genau revidirt und berichtigt*. Königsberg: Nicolovius, 1804. In: *Immanuel Kant: Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L.E. Borowski, R.B. Jachmann und E.A. Ch. Wasianski*. Herausgegeben von Felix Gross, mit einer neuen Einleitung von Rudolf Malter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993 (1. Ausg. 1912).
- Cassirer, Ernst. *Kants Leben und Lehre*. Berlin: Bruno Cassirer, 1921.
- Czygan, Paul. «Wasianski's Handexemplar seiner Schrift: Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. Ein Beitrag zur Kenntnis seines Charakters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius. 1804». *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia* 17 (1892): 109–140.

- Garve, Christian. «Critik der reinen Vernunft. Von Imman. Kant. 1781». *Zugabe zu den Göttingischen Anzeigen von gelehrten Sachen*. Göttingen, 1770–1782. 3. Stück, den 19. Januar 1782. S. 40–48.
- Garve, Christian. «Critik der reinen Vernunft. Von Imman. Kant. 1781». *Allgemeine deutsche Bibliothek*. Anhang zu Bd. 37–52. Abt. 2 (1783): 838–862.
- Hasse, Johann Gottfried. *Merkwürdige Äußerungen Kant's von einem seiner Tischgenossen*. Königsberg: Hering, 1804.
- Hasse, Johann Gottfried. *Letzte Äußerungen Kants von einem seiner Tischgenossen*. Zweyter Abdruck. Königsberg: Nikolovius, 1804.
- Heidegger, Martin. «Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie». In *Gesamtausgabe*. Bd. 18. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2002.
- Immanuel Kant's Biographie*. Bd. 1–2. Leipzig, 1804.
- Jachmann, Bernhard Reinhold. *Prüfung der Kantischen Religionsphilosophie in Hinsicht auf die ihr beygelegte Aehnlichkeit mit dem reinen Mystizism*. Mit einer Einleitung von I. Kant. Königsberg: Nikolovius, 1800.
- Jachmann, Bernhard Reinhold. *Prüfung der Kantischen Religionsphilosophie in Hinsicht auf die ihr beygelegte Aehnlichkeit mit dem reinen Mystizism*. Mit einer Einleitung von I. Kant. Königsberg 1800. Neu herausgegeben von R. Theis mit Vorwort. Hildesheim: Olms, 1999.
- Jachmann, Reinhold Bernhard. *Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund*. Königsberg: Nicolovius, 1804. In *Immanuel Kant: Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L.E. Borowski, R.B. Jachmann und E.A.Ch. Wasianski*. Herausgegeben von F. Gross, mit einer neuen Einleitung von R. Malter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993 (1. Ausg. 1912).
- Kant, Immanuel. *Physische Geographie*. Auf Verlangen des Verfassers, aus seiner Handschrift herausgegeben und zum Theil bearbeitet von Friedrich Theodor Rink. Bd. 1–2. Königsberg: Goebbels und Unzer, 1802.
- Kant, Immanuel. *Über die von der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin für das Jahr 1791 ausgesetzte Preisfrage: Welches sind die wirklichen Fortschritte, die die Metaphysik seit Leibnitzens und Wolf's Zeiten in Deutschland gemacht hat?* Herausgegeben von Friedrich Theodor Rink. Königsberg: Goebbels und Unzer, 1804.
- Kant, Immanuel. *Sammlung einiger bisher unbekannt gebliebner kleiner Schriften*. Herausgegeben von Friedrich Theodor Rink. Königsberg: Nicolovius, 1800.
- Kant, Immanuel. *Gesammelte Schriften*. Akademie-Ausgabe. Berlin, 1900–.

- Kuehn, Manfred. *Kant. A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Landau, A., Hg. *Rezensionen zur Kantischen Philosophie*. Bd. 1. 1781–87. Bebra, 1991.
- Malter, Rudolf, Hg. *Immanuel Kant in Rede und Gespräch*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1990.
- Oberhausen, Michael, Pozzo, Riccardo, Hg. *Vorlesungsverzeichnisse der Universität Königsberg (1720–1804)*. Bd. 1. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1999.
- Reicke, R., Hg. *Kantiana. Beiträge zu Immanuel Kants Leben und Schriften*. Königsberg: Th. Theile's Buchhandlung, 1860.
- Reusch, Christian Friedrich. *Kant und seine Tischgenossen*. Königsberg: In Commission bei Tag & Koch, 1849.
- Rink, Friedrich Theodor. *Ansichten aus Immanuel Kant's Leben*. Königsberg: Goebbels und Unzer, 1805.
- Rink, Friedrich Theodor. *Tiberius Hemsterhuys und David Ruhnken. Biographischer Abriß ihres Lebens. Für Freunde der Humanität und des Studiums der Alten insbesondere*. Königsberg: Goebbels und Unzer, 1801.
- Vorländer, Karl. *Immanuel Kant. Der Mann und das Werk*. Leipzig: Felix Meiner, 1924.
- Wasianski, Ehregott Andreas Christoph. *Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. Ein Beytrag zur Kenntniß seines Charakters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm*. Königsberg: Nicolovius, 1804. In: *Immanuel Kant: Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L.E. Borowski, R.B. Jachmann und E.A. Ch. Wasianski*. Herausgegeben von F. Gross, mit einer neuen Einleitung von R. Malter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993 (1. Ausg. 1912).
- Wood, Allen. *Kant and Religion*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
- Zollner, Johann Evangelist. *Das katholische Christenthum in seinem Glauben, seinen Geboten und Gnadenmitteln. Oder: Katechismuspredigten über die Gesamtlehre der christkatholischen Religion nach Deharbe's Katechismus ausführlich und populär bearbeitet*. III. Jahrgang. Bd. 2. Regensburg: Manz, 1862.